

УДК 94(470+571),,1937/1938”

«РАСЧИЩАЯ ПЛОЩАДКУ...»: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРВИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ГОДЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

А.Н. Кабацков

Пермский филиал «Московского государственного университета экономики, статистики и информатики», 614068, г. Пермь, ул. Борчанинова, 1
afsnik@gmail.com

Рассматривается социальный контекст репрессий в эпоху Большого террора (1937–1938 гг.), когда реальные социальные связи между людьми были использованы для конструирования «контрреволюционных организаций». В глазах следователя отношения арестованных с соседями по поселку, с коллегами по работе, с друзьями и знакомыми превратились в преступную деятельность. Массовый террор стал кампанией по деконструкции первичных социальных отношений, складывавшихся между советскими людьми на производстве и в быту. Так социалистическое государство обеспечивало условия для социального воспроизводства атомизированного индивида, номинирования его «винтиком» государственного механизма.

Ключевые слова: сталинизм, Большой террор, homo sovieticus, социальные сети, репрессии, коллектив, рабочие, трудпоселенцы.

Советское общество прекратило свое существование в качестве политической и административно-хозяйственной системы всего два десятилетия назад. Но проблема феномена «советского» индивида, общества, системы привлекает внимание современных исследователей. Как отмечал Ю.Левада, советский человек никуда не делся [*Левада*].

Советский социалистический проект – это, безусловно, проект Modernity. В социальных формах существования советского государства воплотилось машинизированное представление о рациональном устройстве современных (индустриальных) обществ. Один из важнейших символов советского государства – машина, механизм, фабрика. В этих категориях мыслится не только производственная жизнь, но и результаты различных достижений, свершения, победы. Известен тост И.В. Сталина на приеме в честь участников Парада Победы: «Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают "винтиками" великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо ни черта не стоим. Какой-либо "винтик" разладился – и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности весь наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей» [*Невежин*, 2007, с. 285–286]. Исполненные метафоры отражают пласт мыслеобразов, ценностей, с которыми солидаризировались как власть, так и рядовые члены советского общества. Машиной нужно управлять. Роль вождя – быть простым «машинистом» и одновременно главным демиургом социальной жизни, от которого зависит смысл существования «винтиков».

По мнению Б. Энкера, такая концепция вождя корректно укладывалась в исходную модель социализма: «Основанием этой теории вождя была концепция, согласно которой "однородный народ" и "однородная всеобщая воля" смогут исключить как индивидуума, так и различия социальных интересов» [*Энкер*, 2011, с. 26].

Сталинский проект социализма относительно миллионов людей вполне естественно развивал ленинскую идею о необходимости обучить и дисциплинировать миллионы рабочих «... крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела» [*Ленин*, т. 33, с.100]. Образ государства-фабрики – это фундамент социалистической идеологии, ее краеугольный камень.

Жизнь людей в государстве-фабрике требовала лояльности, прежде всего сознательного и некритичного принятия того, что государство, декларирует в качестве ценностей и символов. «...Согласие с властью образует не только рамки, но и внутреннее содержание мыслительной деятельности. Нет ценностей вечных, они все прагматичны и актуальны. Люди сознательно, а спустя некоторое время и инстинктивно, настраивают свою систему нравственных координат сообразно с

властной потребностью. Их оценки становятся текучи, суждения переменчивы, мнения неустойчивы. Сознание напоминает детское: оно полностью зависимо в вопросах, относящихся к властной компетенции», - описывал систему самоконтроля советских людей исследователь истории повседневности советского общества О. Лейбович [Лейбович, 1993, с. 55].

Архитепический образ «машины и винтиков» неоднократно вспоминался исследователями советского общества. М. Геллер видел в этой метафоре большой символический смысл – комплексное представление о том, как создавались люди, готовые и способные жить в советском обществе, принимавшие иерархию ролей, где государственный интерес выше индивидуального [Геллер, 1994].

Обсуждение советской истории неизбежно разворачивается вокруг модели социального порядка, в котором государство и общество предстают несоизмеримыми категориями. В историческом плане, такой образ общества находит множество подтверждений: Гражданская война обесценила человеческую жизнь; коллективизация и Большой террор, институционализировали практики государственного насилия в качестве инструмента властной модернизации. Государственный террор – важнейший фактор становления социалистического государства. Политическое насилие, реализуемое в самых разных формах, было признано легитимным инструментом управления. По мнению Н. Верта, террор был центральным явлением в социально-политической истории СССР, открывающим перед исследователями советского общества важнейшие практики социальных отношений, политических решений и повседневной жизни советских людей [Верт, 2010, С.5].

Представляется возможным в практиках государственного террора искать социальные факторы, обусловившие господство социалистической модели общества даже тогда, когда власть отказалась от прямых террористических методов воздействия.

Среди репрессий, которые переживало советское общество, Большой террор выделяется как по числу репрессированных, так и по охвату социальных групп, ставших жертвами репрессий [Включен в операцию..., 2009]. После массовых репрессий этих лет можно говорить о том, что «общество разделилось на управляющих и управляемых... рядовой гражданин существовал отныне только как объект управления ... централизованный аппарат управления противостоял массе трудящихся ... массы людей по существу были деклассированны, население само нуждалось в централизованном государстве, без которого уже невозможно было обойтись» [Кагарлицкий, 2003, с. 19-20].

В этом качестве Большой террор завершает процесс репрессивного формирования институциональной и социальной системы, понимаемой в качестве социалистического государства. Коллективизация перечеркнула «достижения капиталистической эволюции российской деревни, наметившегося прорыва ее к рыночным отношениям» [Вишневецкий, 1998, с. 44]. Большой террор внес иной вклад. Его задачей было предотвратить формирование «пятой колонны», и он это сделал, разрушив первичные социальные связи которые определяют естественную динамику общества. Общество превратилось в социальный мир состоящий из «начальства», «работяг» и «зеков» [Лейбович, 1993, с. 67-76]. Такие социальные системы не способны к саморегуляции и естественному развитию. Вместе с тем, парадокс исторической ситуации в том, что такие цели Большого террора не были оформлены в директивах и регламентах. Террор 1937–1938 гг. был осуществлен не в том виде, в каком был задуман инициаторами.

Формальным началом Большого террора можно считать Приказ № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», подписанный народным комиссаром внутренних дел Н.И. Ежовым. Согласно приказу органам НКВД предписывалось «во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников» [Оперативный приказ...]. В историю эта кампания вошла в качестве «кулацкой операции». Кроме «кулацкой операции» были еще «польская», «немецкая» и другие операции по «очистке общества» от «социально опасных элементов».

Выполнение операций по Приказу № 00447 предусматривало репрессировать около 300 тыс. человек в течение четырех месяцев. В действительности жертвами массового террора стало около миллиона человек [Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 274-276, 281].

Алгоритм действий органов НКВД был детально определен в Приказе № 00447: арестованных распределяли по двум категориям в зависимости от их «враждебности». Отнесенных к первой

категории, как наиболее враждебно настроенных к советской власти, предписывалось расстрелять. Лица, попавшие во вторую категорию, должны были быть приговорены к 8-10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Для ускорения судопроизводства создавался внесудебный орган – Тройка при региональном Управлении НКВД, которая ускоренно рассматривала материалы дел и выносила решения.

Характерной чертой «Большого террора» было проведение репрессий в качестве внутриведомственной операции. Истощенные предшествующими репрессиями хозяйственные и партийные инстанции не могли противостоять НКВД, позволив ему в течение года играть главную роль в регионах [Станковская, Лейбович, 2009, с. 68–103]. «Героями» в осуществлении репрессий стали рядовые следователи местного отдела НКВД. Именно они, подгоняемые начальственным окриком: «С врагами надо бороться по-вражески. Кто не будет бороться, того будем отдавать под суд» [ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д.11671 Т.3. Л. 366], доказали рабочим и служащим, крестьянам и другим советским гражданам, что все они – лишь «винтики» большой государственной машины.

В качестве типичного примера приведем материалы архивно-следственного дела № 12567 по обвинению работников Кизеловского карьера «Известняк» и местного леспромхоза, проживавших в трудпоселке Яйва Свердловской области (ныне территория Пермского края). Материалы следствия, подготовленные сотрудниками Кизеловского городского отдела НКВД содержат обширный материал о методах и технологиях работы следователей.

Основную массу доказательств по этому делу следователь НКВД получил из показаний свидетелей. Сами свидетели избежали репрессий. Среди них были староста трудпоселка и рядовые трудпоселенцы. По социальным характеристикам они мало отличались от арестованных.

Трудпоселенцы – особая категория советских людей, состоявшая преимущественно из жертв кампании раскулачивания 1929–1933 гг. и насильственным образом перемещенная на Урал из центральных и южных районов страны. В те годы крестьян переселяли в места трудовой ссылки целыми семьями. Лишенные имущества, оторванные от привычной социальной среды и не имеющие возможности заниматься привычным делом – обрабатывать землю и выращивать сельскохозяйственную продукцию, трудпоселенцы стали кадровым ресурсом для промышленных строек и лесозаготовок. Ссылные крестьяне принудительно прикреплялись к промышленным предприятиям. Их расселяли в бараках, которые они сами и строили.

В докладной записке заместителя полномочного представителя ОГПУ на Урале в Пермскую областную и районную контрольные комиссии в январе 1931 г. подробно описывались новые условия быта, в которых переселенцы вынуждены были начинать обустройство на новом месте: «...переселенцы живут с семьями в общих бараках с двойными нарами, имея фактическую норму жилплощади от 1 до 1,5 кв. метров на человека. Баня имеется только на Бумкомбинате (скорее всего, упоминается Краснокамский бумкомбинат. – А.К.), на остальных предприятиях бань нет; люди не мылись в бане три месяца, развилась вшивость; вошебоек и дезокамер нет. ... За один месяц умер 271 человек, особенно умирают дети. К общему количеству детей до 4-летнего возраста умерло на Бумкомбинате 25%, Комбинате "К" (завод им. Кирова. – А.К.) – 10%, Судозаводе – 30%» [Политические репрессии, с. 166–167].

За 1930–1937 гг. переселенцы стали частью промышленного населения трудпоселков. Сами поселки превращались в протогорода, из которых вырастут типичные советские поселения городского типа. Общность условий жизни, единые ритмы производственной деятельности, тождество социальных статусов формировало социально-профессиональную среду, отличающуюся от прежних сельских сообществ. Вместе с тем в этой среде воссоздавались первичные социальные связи, свойственные городским сообществам, когда обезличенные производственные отношения дополняются эмоциональными, личностными отношениями за стенами заводских корпусов.

Социальные сети, которые создавались жителями заводских поселков, стали объектом внимания следователей. Вернемся к допросу свидетелей по яйвинскому делу. «Знаете ли Вы Меньшкова Ивана Андреевича?» – начинал допрос Н.Г. Ожгихина, следователь. «...Вместе приехали в В-Вильвенский «Карьер Известняк», как трудпоселенцы», - отвечал свидетель, демонстрируя, что с арестованным у него давнее знакомство, еще с эпохи переселения в начале 1930-х. Дальнейшее обсуждение отношений допрашиваемого и арестованного показывает, что им приходилось работать в одной артели: «Созданная нами артель в 1932 году просуществовала до 1936 года в 1936 году распалась, в результате плохой работы» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т.2. Л. 57–58].

Другой свидетель, проходивший по данному делу, подписал показания о «контрреволюционной агитации» бухгалтера местного лесозавода. Ему также пришлось подробно описать социальные отношения с арестованным, и не только с ним: «Бородин Евгений Максимович имеет тесную связь с трудпоселенцами Топоровым – счетоводом и Янсоном – плотником... Бородин бывает на квартире у Янсона и Топорова» [ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т. 2. Л. 35–36]. Один из главных свидетелей яйвинского дела, староста трудпоселка А.Я. Толок, оказался в ситуации, когда ему пришлось давать показания о многих из тех, с кем он вместе работал и был знаком по поселению. В одном из таких подписанных им протоколов социальные связи между арестованными уже предстают элементом повстанческой сети: «Топоров Александр Михайлович связан по антисоветской агитации с трудпоселенцами: Прайсом, Бородиным, Янсоном, Ефименко, Кисилевым с которыми собираются в квартирах Янсона, Бородина и Кисилева, для каких-то бесед» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т. 2. Л. 24–25].

В этих формулировках, записанных в протокол допроса следователем, видна следственная схема, которую тот выстраивает в качестве обвинительной модели. Вначале обозначался круг знакомых того либо иного подозреваемого или арестованного. В этот круг вовлекались и соседи по бараку (поселку), и коллеги по работе. В поселениях тех лет все друг друга знали и так или иначе соприкасались в повседневной жизни. На основе этих данных следователь создавал из арестованных сеть повстанцев, предоставляя их в качестве местного отделения или взвода «повстанческой организации».

Вполне возможно, что все эти отношения между арестованными, детали разговоров, рассказанные обвиняемыми анекдоты не были точным отражением социальных сетей в поселке. Следователю НКВД не требовалась реальная картина. Ему достаточно было сконструировать модель, в которой избалованные и арестованные «заговорщики» становились частью контрреволюционной организации, потому что знали друг друга и в приватной обстановке поддерживали или могли поддерживать отношения.

Технология социального конструирования отрядов «повстанцев и диверсантов» на основе личных отношений арестованных утвердилась в качестве доминантной практики массовых репрессий в Прикамье в 1937–1938 гг.

Арестованный И.Е. Самыгин подписал в декабре 1937 г. протокол допроса, в котором основное содержание показаний составляет описание его родственных и личных отношений с другими людьми: «Работая в гор. Краснокамске и проживая там с 1933 г. я в городе (неразб.–А.К.) много знакомых но к близким знакомым отношу таких как Галин Василий Затеевич – работал на своей лошади при Гознакстрое. (неразборчиво имена и фамилии 8 человек) ... Тепляков – коновозчик Гознакстроя. Все перечисленные лица за исключением Куренного Н. – высланы в г. Краснокамске со мной из одной местности. Куренной Н. как я знаю – с Украины» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11671. Т. 2. Л. 63].

Протоколы допросов, содержащие описание сети социальных знакомств арестованных, составляют заметную часть материалов обвинения, подготовленных следователями в 1937–1938 гг. Это стало единым алгоритмом оформления протоколов следователями.

В 1939–1941 гг. модель была воспроизведена при обвинении этих же работников НКВД, арестованных за «ведение следствия извращенными методами». Сержант госбезопасности С.Н. Окулов описывал социальные сети, охватывающие его арестованных коллег: «Левочкин, Наротьевым, Былкиным был введен метод соц. соревнования. На совещаниях, устраиваемых в кабинете Левочкиного, каждые два-три дня выслушивали каждого работника, а тех, кто больше давал "признавшихся" того восхваляли. Особенно часто хвалили: Радыгина, Зырянова, Корпачева за китайцев и корейцев, Бурьлова и Демченко – за нацмен (они вели следствие по группе нацмен, в числе 80 человек) и Поносова по авиашколе» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11671. Т. 3. Л. 366].

Выстраивание обвинения с использованием социальных отношений арестованных не было предусмотрено инструкциями. Это технология, востребованная следователями в ситуации ускоренного следствия и массовых арестов, когда нужно было подготовить обвинительный материал в сжатые сроки и при отсутствии оснований для арестов. Так контрреволюционными связями стали социальные отношения, в которые был включен индивид.

Фактически социальным объектом репрессий являлись первичные социальные группы, в которые входил советский человек. В социологии первичные социальные группы – это исходный ма-

териал для социальной структуры сложноорганизованных обществ. Их динамика определяет характер социальных изменений «Большого мира». Они формируются на основе спонтанных, привлекательных и естественных связей, возникающих между людьми в повседневной жизни. Типичными первичными группами можно считать те, что образованы на основе аффективной солидарности, те, что сплачивают людей в ходе достижений утилитарных целей. К этим группам относят семейные, соседские, досуговые, игровые группы. Главный критерий первичной группы – это то, что «люди входящие в нее, знают друг друга и устанавливают между собой прямые связи» [Социология группы..., с.18].

Именно этот тип социальных связей стал объектом репрессий в 1937–1938 гг. У этого процесса была долгая предыстория. Борьба с неформальными социальными связями в политических, хозяйственных, творческих институтах, с «кланами», «артелями», «кликаками» была осью социальной политики РКП(б) – ВКП(б) в 20-е – 30-е гг. Так, необходимостью преодолеть «групповщину» в среде писателей Сталин объяснял роспуск РАПП в 1932 г.: «Групповщина создавала нездоровую обстановку, не располагала к доверию. Мы распустили все группы и побили самую большую группу, которая ответственна была за групповщину, – РАПП. Теперь мы от всех партийных литераторов будем требовать проведения этой политики» [Между молотом и наковальней..., с.161]. Спецификой Большого террора можно считать использование действительных социальных связей для конструирования «контрреволюционных организаций». Следователи в личных контактах людей видели состав преступления. Вопросник для следователя обязательно включал пункт о знакомствах и дружеских отношениях обвиняемого [Два следственных дела..., 1994].

Репрессии 1930-х гг. на поколение отодвинули возможность появления горизонтальных связей между людьми, укоренив практику социальной лояльности, сделав ее частью советского стиля жизни. Деконструкция первичных социальных отношений помогла социалистическому государству обеспечить условия для социальной атомизации индивида, номинирования его «винтиком» государственного механизма. В более позднее время, отойдя от практик тотального террора, власть все же постоянно прилагала усилия «...для того, чтобы не восстановились горизонтальные социальные связи, не сложились партикулярные (местные и групповые) интересы. Она поддерживает слитность частной и публичной жизни, так необходимую для всеобъемлющего контроля. Личная индивидуальность не только не признана, но жестко подавляется как системой государственного воспитания, так и всей тяжестью властных институтов» [Лейбович, 1993, с. 67–76].

Атомизацию советского общества можно рассматривать как важнейшую составляющую властной социальной политики, естественно не декларируемой. Собрать людей в организованные властью коллективы означало создать замену естественным межличностным социальным связям. И для того, чтобы коллектив возник, необходимо было раз и навсегда подавить стремление объединяться по земляческим, дружеским и даже родственным основаниям. Т.е. к «групповщине». Для того чтобы эта задача была решена, необходимы были рассмотренные террористические практики.

Список источников

- ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 11671. Т. 2. Л. 63: Протокол допроса обвиняемого Самыгина И.Е. от 5 декабря 1937 г.
ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 11671. Т. 3. Л. 366: Рапорт вр. нач. 2 отд. IV отд. УНКВД сержанта госбезопасности Окулова С.Н.
ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т. 2. Л. 24–25: Протокол допроса свидетеля Толока А.Я. от 4 августа 1937 г.
ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т. 2. Л. 35–36: Протокол допроса свидетеля Карнезова М.Д. от 4 августа 1937 г.
ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 12567. Т. 2. Л. 57–58: Протокол допроса свидетеля Ожгихина Н.Г. от 30 июля 1937 г.
Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: сборник документов и материалов. Пермь, 2004.

Библиографический список

- Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.
Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
«Включен в операцию»: массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М., 2009.
Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.

- Два следственных дела Е.Гинзбург. Казань, 1994.
Кагарлицкий Б. Реставрация в России. М., 2003.
Левада Ю. «Человек советский»: Публичные лекции на «Полит.ру». URL: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>.
Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993.
Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собрание сочинений. М., 1967. Т. 33.
Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: документы и комментарии. Т.1 1925 – июнь 1941 г. М., 2011.
Невежин В.А. Сталин о войне: Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007.
Оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР 30 июля 1937 года № 00447 // URL: <http://www.memo.ru/history/document/0447.htm>.
Социология группы: хрестоматия. Пермь, 1994.
Станковская Г.Ф., Лейбович О.Л. Роль НКВД в массовой операции по оперативному приказу № 00447 / «Включен в операцию»: Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М., 2009.
Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009.
Энкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.06.2013

"CLEANING THE SPACE...": DECONSTRUCTION OF PRIMARY SOCIAL GROUPS DURING THE GREAT PURGE

A.N. Kabatskov

Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, Perm branch, Borchaninova str., 1, 614068, Perm
afsnik@gmail.com

The article reviews social context of repressions during the Great Purge. The main focus is made on the specific features of terror's events, specifically – on the interpretation of social ties as a basis of "counter-revolutionary organizations". This interpretation turned prisoners' relationships with neighbors, colleagues and personal friends into acts of conspiracy.

The author proves the struggle of the government against informal ties between participants of political, economical and cultural institutions. Political campaign against "clans", "workingmen's cooperatives" etc. served as a basis for social politics of RCP(b) and AUCP(b) in the 1920s–1930s. The Great Purge was aimed to deconstruct existed both professional and personal social relationships between Soviet citizens. It was a basis for production of atomized individuals and as cogs in state's machine.

The destruction of existing social ties allowed the power to organize new social politics aimed to organize the society into productive "collectivity". Pressure against other forms of association whether they were territorial, based on friendship and even kinship, was proclaimed to be the war against "gruppovschina". The purpose of total collectivization of the society required terror and repressions.

Key words: Stalinism, the Great Purge, homo soveticus, social networks, repressions, collective, workers, population of labour villages in the USSR.

References

- PermGANI F. 641/1 Op. 1. D. 11671. T.2.
PermGANI F. 641/1 Op. 1. D. 11671. T.3.
PermGANI F. 641/1 Op. 1. D. 12567. T.2.
Politicheskie repressii v Prikam'e. 1918–1980 gg.: sbornik dokumentov i materialov. Perm', 2004.
Vert N. Terror i besporyadok. Stalinizm kak sistema. М., 2010.
Vishnevskiy A. Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR. М., 1998.
«Vklyuchen v operatsiyu»: massovyy terror v Prikam'e v 1937–1938 gg. М., 2009.
Geller M. Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka. М., 1994.
Dva sledstvennykh dela E.Ginzburg. Kazan', 1994.
Kagarlitskiy B. Restavratsiya v Rossii. М., 2003.

- Levada Yu. «Chelovek sovetskiy»: Publichnye lektsii na «Polit.ru». URL: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>.
- Leybovich O. Reforma i modernizatsiya v 1953–1964 gg. Perm', 1993.
- Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya // Poln. sobranie sochineniy. M., 1967. T. 33.
- Mezhdumolotom i nakoval'ney. Soyuz sovetskikh pisateley SSSR: dokumenty i kommentarii. T.1 1925 – iyun' 1941 g. M., 2011.
- Nevezhin V.A. Stalin o voyne: Zastol'nye rechi 1933–1945 gg. M., 2007.
- Operativnyy prikaz Narodnogo komissara vnutrennikh del Soyuz SSR 30 iyulya 1937 goda № 00447 // URL: <http://www.memo.ru/history/document/0447.htm>.
- Sotsiologiya gruppy: khrestomatiya. Perm', 1994.
- Stankovskaya G.F., Leybovich O.L. Rol' NKVD v massovoy operatsii po operativnomu prikazu № 00447 / «Vkluyuchen v operatsiyu»: Massovyy terror v Prikam'e v 1937–1938 gg. M., 2009.
- Khaustov V., Samuel'son L. Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg. M., 2009.
- Enker B. Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze. M., 2011.